

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-11-34

УДК 93

«СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА»: О ЧТЕНИИ ГЕФТЕРОМ МАРКСА

Неретина Светлана Сергеевна,

доктор философских наук, профессор,

главный научный сотрудник

Института философии РАН,

Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-2063-062X

abaclardus@mail.ru

Аннотация

Цель этой работы – показать, как влияет мысль и речь людей, стоящих и отстаивающих прямо противоположные позиции, на изменение мысли и речи людей своего и последующего поколения, разноориентированных в жизни, а также обнаружить способы этого влияния. Автор описывает ситуацию, возникшую в конце шестидесятых годов XX века, известную как идеологический разгром философского, исторического и социологического направлений, идущих вразрез с политикой КПСС, который стал особенно ожесточенным после вторжения СССР в Чехословакию в августе 1968 года. Одним из результатов такого идеологического сражения был разгром сектора методологии истории Института всеобщей истории АН СССР во главе с М.Я. Гефтером после того, как была выпущена серия книг, в которых подвергались сомнению так называемые законы исторического развития (формационный подход) и критиковались основополагающие положения классиков марксизма-ленинизма. Предметом анализа является статья Гефтера «Страница из истории марксизма начала XX века», посвященная анализу выработки тактики и стратегии Ленина и изменившая взгляды многих, прежде всего молодых, историков на исторический процесс, а главное – на методы поиска и выражения истины. Различия выражались прежде всего в том, что проповедники и защитники советского режима, основанного на ими же установленных нормах марксизма-ленинизма, безбоязненно использовали все средства давления на неудобных оппонентов. Профессионалы же, пытавшиеся понять истинный смысл исторического процесса, смысл суждений о нем, тем более смысл революционной борьбы с самодержавием, развернувшейся в начале XX века, были вынуждены пользоваться эзоповым языком. Это часто провоцировало искажение этого смысла из-за туманности и завуалированности выражений. Внешне эта борьба производит впечатле-

ние теоретического шантажа, вызывающего такие последствия, как речевая безответственность.

Ключевые слова: Гефтер, Ленин, Маркс, методология, народники, крестьянская революция, пролетариат, революция, «черный передел», критика.

Библиографическое описание для цитирования:

Неретина С.С. «Страница из истории марксизма»: о чтении Гефтером Маркса // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 11–34. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-11-34.

Уже 30 лет прошло с тех пор, как я писала о том, как погубили сектор методологии истории только за то, что заинтересованные люди пытались понять историю, которая по-разному предстает в зависимости от применяемых к ней методов анализа [12]. Я писала о том, как некто А. Корнилов, Н. Прокопенко и А. Широков написали явно по заказу сверху разгромную рецензию на книгу «Историческая наука и некоторые проблемы современности» [10]. Заказ и исполнение были сугубо идеологические, и они были направлены в основном на статью М.Я. Гефтера, которая называлась «Страница из истории марксизма начала XX века» (на деле – из истории ленинизма).

И уже 16 лет прошло с тех пор, как в книге «Точки на зрении» [13] я попыталась немного иными глазами взглянуть на историю нашего разогнанного сектора и на главного персонажа этой истории. Персонажа, подвергнувшегося остракизму и нашедшего в себе силы побороть себя прежнего, из той же советско-ленинско-сталинской шинели вышедшего, что и его гонители, чтобы стать собой – над собой и со своими соратниками, прошедшими или вовсе не проходившими той школы идеологической довоеннойковки и скорее критически настроенными. Я писала, что блефовали все. Я не писала только о способах блефа, удрученная подлым идеологически заостренным просверком «той» стороны и считая блеф с «нашей» стороны необходимым способом обороны. Пришла, однако, пора поразмыслить о том, что блеф остается блефом и влечет за собой не самые радужные последствия. Что даже самые лучшие цели, основанные на фальши, ведут в будущем к формированию «испорченного» поколения, которое не ощущает ответственности за свои слова.

Мы в 1960–1970-е и отчасти в 80-е годы XX века жили не двойными стандартами, но (иногда наивно) принимали необходимость изъясняться экивоками или эзоповым языком. В ходу были выражения вроде: «Верни мне мою кофточку». – «Ой, я ее еще не прочитала». Но гораздо более тонким был камуфляж мысли.

Люди, среди которых жили мы, родившиеся во время или чуть позже войны 1941–1945 годов, созрели в 1930–1940-е годы, проходя все стадии идеологической обработки того времени – от искреннего восхищения борьбой классов с классами до медленного или мгновенного прозрения, происходившего особенно во время космополитической кампании. В «Точках на зрении» я писала об опубликованных в 1995 году – почти через полвека после описываемых событий – дневниках историка С.С. Дмитриева (которого помнила по историческому факультету МГУ), где он с ужасом пишет об обличительной «критике» «Хрестоматии по истории СССР» и учебника по истории СССР, авторами которого были М.Н. Тихомиров, в ту пору еще не академик, но ставший им в год смерти Сталина, и он сам. Эту критику в «Литературной газете» в течение четырех месяцев – с октября 1948 года по февраль 1949 года – вели А.Я. Грунт и М.Я. Гефтер, подписавшиеся псевдонимами А. Громов и Р. Самойлов [9]. Вскоре разразилась антисемитская кампания, которая оказалась гораздо более хитроумной и носила имя не только «космополитизма», но и «объективизма», поскольку критиковались якобы все – и евреи русскими и русские евреями, взявшими, правда, русские псевдонимы.

Оголтелая вера в идеологию отразилась на всех. Недавно в философском журнале «Vox» мы опубликовали подготовленные А.В. Ахутиным и И.Е. Берлянд материалы «Дело Библера». Они документально рассказывали о роли В.С. Библера, которую он играл (к счастью, недолго) в СМЕРШе [1]. И Гефтер и Библер – наши уважаемые и почитаемые учителя или старшие товарищи, которые пережили серьезную внутреннюю мучительную травму, сумев стать для нас символами мужества, благородства и дерзновения. Но они никогда не забывали той до- и послевоенной идеологической муки, испытанной ими, многое прощая при этом своим «молодым друзьям», потому что некогда и сами были «мертвы и ожили, пропадали и нашлись».

Гефтер собирал сектор обдуманно, не оглядываясь на взгляды собиравшихся. Он знал цену каждому, но его интересовал тот вклад, которым тот был способен обеспечить некую общественную картину, основанную на поливариантности исторического события и его альтернативности. Поэтому я бы не сказала даже, что центром сектора была группа В.С. Библера (куда входили, помимо него, А.С. Арсеньев и Л.Б. Туманова), вокруг которой тотчас обосновался семинар, куда приходили люди из самых разных институций – и математики, и биологи, медики, психологи. Когда над сектором сгустились тучи, многие из собранных в секторе его спешно покинули. Кто-то из них довольно быстро вырос в докторов наук, а иные в академиков. Прочие карьерными вопросами не задавались. Но это не слишком удивило Гефтера (он это предвидел). С ним остались те, с кем он близ-

ко сошелся и кто ему всячески содействовал в нелегких и безуспешных попытках спасти сектор, который спасти было нельзя.

О статье Гефтера «Страница из истории марксизма начала XX века» Е.М. Кожокин написал: «Вновь атака, вновь штурм... на этот раз интеллектуальный. Акт запредельной гражданской смелости» [11]. Этот факт свидетельствовал, сколько людей, критически относившихся к советской власти, знало и читало Ленина и было недовольно сложившейся к тому времени ленинианой. Я не настолько знала Ленина, читала, что рекомендовали на историческом факультете, тут же забывала (незабываемое впечатление оставил только «Материализм и эмпириокритицизм», надолго подорвав интерес к философии). Но и мои друзья этой фигурой не были особенно озабочены, предпочитая Платона и Аристотеля, которые начали выходить на русском языке.

Тем не менее я стала бригадиром рассыпанного в верстке сборника «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы» и часто недоумевала, почему им так увлечен Гефтер, который в ответ на расспросы улыбался и говорил, что мы еще к этой фигуре вернемся. Но, видно, мы принадлежали к иной когорте нелюбителей советской власти. Мы думали, что не доживем до ее конца, а если и доживем, то обойдемся без этой фигуры. Но течение мысли и жизни в постсоветский период заставило нас обернуться. В первую очередь – желание понять свое время, которое, как теперь кажется, было больным со всех сторон: с одной стороны, безнаказанностью насилия, базировавшейся на лжи, с другой – безудержной и праведной ненавистью к испытываемому насилию, вынуждавшему изворачиваться и говорить эзоповым языком. Тогда в моде было слово «амбивалентность».

А.Т. Твардовский, которому Гефтер подарил книгу «Историческая наука и современность», в ответном отклике написал, что книга «обещает быть событием не только в собственно академическом смысле. Дай Бог, чтобы она “с порога” не была охаяна теоретиками из “Огонька”» (цит. по: [13, с. 49]). Так всё и случилось: у Гефтера после выхода книги появилось много «молодых друзей», среди которых был Г.О. Павловский, проделавший немалую работу, собирая высказывания Гефтера, записывая разговоры с ним и издав и записи, и разговоры. Но и «критика» не замедлила себя ждать. Александр Трифонович ошибся только в названии печатного органа, начавшего травлю. Статья «Под видом научного поиска» появилась не в «Огоньке», а в газете «Советская Россия» («Савраска»). Бумеранг, пущенный когда-то Гефтером, к нему же и вернулся. Мы случившегося с Дмитриевым и Тихомировым тогда не знали, друг о друге хотели знать и знали только хорошее, держались гордо и независимо, хотя – задним числом, конечно, – какой-то тревожный блеск вспоминается в его взгляде.

В книге «Точки на зрении» я писала: «Попытка политической дискриминации, учиненной “Советской Россией”, была очевидной. Но речь шла и о явной фальшивке» [13, с. 51]. Далее я привела слова статьи, где, на мой взгляд, эта фальшивка была столь же очевидной: «На стр. 18-й утверждается: мысль В.И. Ленина развивалась в ранее проложенном *народниками* (выделено мной. – С. Н.) русле, что на II съезде РСДРП разногласия между меньшевиками и большевиками проходили не по коренному вопросу – о диктатуре пролетариата, а по аграрному вопросу» [13, с. 51]. Но вот что еще было на злополучной странице. «Наверху слова Ленина: дело пролетариата поддержать революционный натиск крестьянства, чтобы этот натиск “не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, *чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну*, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм”» (курсив Гефтера). Затем следует текст, отражающий основную мысль статьи: «Современному читателю нелегко войти во внутренний мир автора приведенных строк (т. е. строк из статьи Ленина “Маркс об американском ‘черном переделе’”). Непросто почувствовать новизну “вторичного”, ленинского открытия *Марксовой* (курсив мой. – С. Н.) идеи, суть которой в словах – гегемония пролетариата – словах, столь неотъемлемо вошедших в обиход марксистов, что подчас забывается, как они вошли... Выделенные [Гефтером] слова вошли в формулу обвинения, но с маленькой поправкой: место Маркса заняли народники» [13, с. 51, 52] (см. выше выделенное мною). Здесь-то и хотелось бы поговорить о силе догматизма и идеологизма и слабости нарастания нового, ибо защита была непрочной.

Вопрос состоит в том, правомерно ли Корнилов и К^о подменили Маркса народниками. Что подменили, в этом сомнения нет. Но имели ли на то право?

Рассказывая о логике Ленина, Гефтер речь ведет о том, насколько Ленин остается верен Марксу и марксизму и как здесь появились народники. А потому любопытно посмотреть, насколько споткнулись Корнилов и К^о – в их идеологической подлости сомнений нет, – оценивая статью как ревизионистскую.

Обратим внимание: Гефтер подвергает анализу чтение Лениным Маркса, т. е. смотрим через три пары очков – своих, Маркса и Ленина. А Ленин читает Марксов «Циркуляр против Криге» – один из разделов, посвященный аграрному движению, американскому «черному переделу», конфискации земель, принадлежащих английской короне. Ленин читает то, что собирается обсуждать, при этом *критически пересматривая* Маркса: утверждая, что это – *следование* Марксу, на деле Марксу *изменяя*, т. е. в этом конкретном деле ему не следуя.

Ясно, что не просто так Корнилов со товарищи набросились на эти строки и, читая Ленина, находясь под влиянием Ленина, изменили сказанное Гефтером. Ибо именно народники писали о черном переделе, а не Маркс.

Но бог бы с ней, с этой заменой Маркса на народников, ибо очевидно, что маячила у них идея ревизии Маркса Гефтером, а не Лениным. Для того времени естественно вычитывался не дух, а буква, дух еще надо понять! Маркс стал каноном, заместителем автора Священного Писания, а его сочинения – самым Священным Писанием. Причем таким заместителем и такой записью, что и комментировать ее было грешно и небезопасно. Хотя Священное Писание комментировали всегда. И Маркса, если его *перечитывать* (если вообще кого-то перечитывать), можно было бы комментировать, а заодно естественно формулировать свои мысли и записывать их. Важно не путать: мыслить **за Марксом** или мыслить **за Маркса**, поправлять его. Это разные типы комментариев. Гефтер, идя по стопам Ленина, пытается выстроить именно *ленинскую* логику, искренне считая, что «было бы наивным полагать, что побудительным мотивом для подлинно крупного мыслителя (каковым он считал Ленина. – С. Н.) является стремление выразить себя иначе, чем предшественники, поскольку всегда поучителен ход его мысли, идущий в ранее проложенном русле», т. е. *Марксовом*.

Вот здесь и происходит перекосяк.

Ход мысли действительно может приводить «к новой системе взглядов, продолжающей и вместе с тем “отрицающей” (почему-то в кавычках. – С. Н.) в той или иной мере исходную» [10, с. 18]. Но не становится ли мысль, даже система взглядов, изменившая исходную, *иной, не-Марксовой*? Хотя тут же сообщается, что в этом постоянном изменении и состоит особенность марксизма, который «сознательно принимает такое движение как норму своего развития» [10, с. 18].

Я бы сказала, что мы сейчас, прямо сейчас прочитав это методологическое утверждение, обнаруживаем некий *теоретический ляпсус, или даже шантаж*, ибо это не случайно оброненная фраза, а осознанное суждение. Хотя не исключено, что прямо сказать в то время, что Ленин меняет логику, мысль Маркса, Гефтер не мог. А мог и не думать. Ведь речь шла всего лишь о «странице из истории марксизма начала XX века». Но и о Ленине! Это речь о *ленинской* странице (1905 год!), а не, скажем, о богдановской. Речь у Ленина шла – о том и спор! – о мелкобуржуазности не просто как об экономическом факторе, а как о факторе *демократическом*! [10, с. 17]. Другой объем понятия! И другой исторический субъект, не пролетариат, а крестьянство. Это его, крестьянства, революционный натиск должен поддержать пролетариат, чтобы этот натиск (крестьянства), поддержанный пролетариатом, «не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепост-

ническо-самодержавной рабьей России, чтобы он создал *новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну*» [10, с. 17, 18].

Гефтер пишет: «Современному читателю нелегко войти во внутренний мир автора приведенных строк». Конечно, нелегко; и нам тогда, в 1969-м, было нелегко, мы действительно думали, что Маркса подменили народниками... Скорее всего и Гефтер так думал, если считал, что вот так можно продолжить теорию без ведома ее автора. Это яркий пример того, как постоянно изменяемая теория может стать общей и единственно верной на все времена. Судя по всему, так думали многие, ибо с марксизмом расставались трудно все марксисты.

Но дальше Гефтер пишет о новизне «вторичности» (и это очевидный методологический заход, о чем речи нет у «корниловых»), о новизне ленинского открытия «*Марксовой идеи, суть которой заключена в словах “гегемония пролетариата” – слова, столь неотъемлемо вошедшие в обиход марксистов, что подчас забывается, как они вошли*» [10, с. 18] – через крестьянский вопрос, через использование крестьянской силы, способной распатать самодержавие, хотя партия реагировала на такой стратегический ход *разно*.

Гефтер полагает, что особенность марксизма состоит в том, чтобы сознательно иметь возможность применять новую систему взглядов, «продолжающую и вместе “отрицающую” исходную». Маркс это говорит в «Циркуляре против Криге», в той ранней своей статье, на которую обратил внимание Ленин и которая стала отправной точкой анализа его, а потом и Гефтера. Маркс пишет: «Если бы Криге взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, – тогда против этого ничего нельзя было бы возразить» [10, с. 15, 16].

Момент перекося уловить можно не сразу. Да и речь, кажется, идет не о системе, а о стратегии и тактике партии, основывающей свою деятельность на Марксовой теории, взявшейся не объяснять, а изменять мир. Теория деятельности предполагает возможность смены стратегий. Так что дело тут не в смене теоретической системы, а в естественном изменении социальных условий. Именно это и было замечено: появление неясности там, где еще вчера всё было ясно, и эта неясность требовала смены аспекта, которая начинается *внутри* мыслительного процесса, будучи зависимой от его ресурсов и способов разрешения противоречий.

И Ленин, и Гефтер это заметили, на пальцах показав, что проблема гегемонии в начале XX века была для марксистов не столь ясной. Потому и дискуссия на II съезде РСДРП шла не по коренным принципам, а по аграрной части. Ленин, как сказали товарищи по партии, стратегически выступал против теоретика Ильина, т. е. против *alter ego*, осознав через штудирование «Циркуляра против Криге» необходимость смены стратегии и написав статью «Маркс об американском “черном переделе”». Не изменяя теории, он выступал с иной стратегией действия, менять которую никто не запрещал. Ошибочно считать это изменением теории при сохранении курса этой теории. Но если считать так, то ревизия Маркса налицо, ибо Ленин относился к крестьянскому движению как к мелкобуржуазному, а Маркс предлагал оценить его как форму пролетарского движения.

Какая же проблема вставала в связи с крестьянством? Надо было уяснить себе природу собственности. Соотношение элементов крепостничества и капитализма, вопрос о происхождении кабальных форм эксплуатации – пережитки или новообразование? Современный философ О. Хархордин в статье «Что такое собственность?» сказал так: «Вы думаете, что знаете ответ на этот вопрос... вы даже не успели его себе задать» [15].

В.В. Бибихин в 1990-е годы по понятным причинам проблему собственности поставил очень остро. С этим вопросом, как он считал, не разобрались ни в начале, ни в конце XX века во время приватизации. В статье «Проблема собственности» Бибихин писал, что «то экономическое, идейное и поэтическое обобществление собственности, в которое была втянута после 1917 года страна, силой наученная новым коллективистским нормам, не задевало собственного существа страны, человека» [3].

Обращение к Бибихину как к философу, глубоко задетому этой проблемой, вовсе не случайно. Он напрямую касается ленинской политики, пусть и не называя этого имени. Ленин же, как мы видели, всерьез этими вопросами интересовался, чему свидетельство – та самая статья «Маркс об американском “черном переделе”» (эту статью мы называем потому, что о ней речь у Гефтера) и множество других работ. Ленину понадобилось изучать американский опыт, суть которого – в конфискации земель английской короны, чьей колонией была в то время Америка. Учитывая, что американцы действовали в другом полушарии действительно заново, он приходит к пониманию «фактической силы поземельных отношений» [10, с. 21], которая не позволяла действовать по подсказке. Подсказкой был вариант Криге, который предлагал построение коммунизма через изъятие государственных земель как «“неотчуждаемое общее достояние всего человечества” и распределение их в виде строго ограниченных по размеру участков между крестьянами, превратив последних из бедняков в обеспеченных

навсегда (!) тружеников» [10, с. 14]. Ленин в этом обнаружил сходство двух утопий: Криге и русских народников.

Почему Ленин обратился к этой забытой статье Маркса? Потому что там вычиталось направление действия: надо не отречься от плана Криге, от этого капиталистического зла, «временно дающего узенькое благоденствие, хотя и “далеко не всем”», а использовать его во благо, ибо оно «облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся» [10, с. 16].

Анализ российского опыта, сделанный в результате прочтения «Циркуляра против Криге», привел Ленина к тому, что он осознал мелкобуржуазность как «боевое демократическое движение», по отношению к которому пролетарские революционеры должны испытывать только долг «поддерживать его, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним рука об руку до конца»», попутно преобразуя строй, институты, людей, народ. Это и будет «громадный шаг вперед “к полному человеческому счастью всех трудящихся”» [10, с. 17].

Что до меня, то мне кажется утопией уже само желание наделить всех трудящихся человеческим счастьем, тем более что оно не определено. Но это было точкой слома стратегии, которая не позволила Ленину согласиться с Марксом и которая, по словам Ю. Стеклова, соратника по партии, противопоставила Ленина Ильину, автору «Развития капитализма в России» [10, с. 19].

В чем выразилось несогласие?

Прежде чем коснуться этого несогласия, надо понять, что такое «поземельная собственность», чем озаботился Ленин (хотя в первую очередь, собираясь на нее «напасть», он интересовался содержанием термина «нападение» и смыслом стремлений нападавших). Сущность же собственности надо было уяснить, чтобы понять генезис капитализма. Для Ленина (и революционеров) собственность рассматривалась как то, что подлежало отъятию и перераспределению, а в конце концов – коллективизации, и смысл понятия «собственность» раскрывался только в этой связи. Для Бибикина же собственность – это возможность вещи стать самой собой. Вещь должна быть захвачена этим процессом, в результате которого возникает ее особое качественное состояние самой собой. Земля становится собой, когда ею пользуются как землей, а не просто как пространством для перепродажи и прибыли. В собственности, пишет Бибикин, «звучит... “настоящее, подлинное, само”» [3]. И это «само» связано с миром, которым была община, так себя и называвшая, включавшая весь мир с его родовыми отношениями.

Древние мифы разных народов свидетельствуют, что у человека было три матери: Богородица, земля и рождающая человека мать. Мать-Земля может вызывать ассоциации как с матерью Бога, так и с женщиной-матерью. У язычников это было связано с культом Матери-Земли. Как пишет Б.А. Успенский, «сопоставление Матери-Земли с родной матерью человека достаточно обычно вообще в древнерусских текстах» и «может принимать характер прямого отождествления» ... «Мотив совокупления с землей имеет явные мифологические корни: именно представление о супружеских отношениях между небом и землей, дающих начало жизни, и лежит в основе восприятия земли как общей матери <...> Совокупление с землей понимается прежде всего как ее оплодотворение, и это определяет характерное представление о беременности земли, которая разрешается урожаем (так, о земле говорят, что она “родит” хлеб и т. п.)» [14].

Понимал ли это Ленин? Захват – понимал. Был близок к пониманию и «своего». Вот и Бибихин пишет: «собственность была объявлена общественной» [4, с. 378]. Бибихин восхищается размахом поэмы В.В. Маяковского «Хорошо» и его желанием превратить землю в сад. Но целью проекта общественного переустройства (опиравшегося на теорию Маркса, ученика Гегеля) стало не обустройство одной отдельно взятой страны, а показ на ее примере правильного пути всему миру. Его преобразование должно было опираться на труд некоей коллективной личности, которая была бы способна переделать мир, основываясь на гегелевском представлении о разворачивании абсолютного духа в природе и истории. Почему из этого предприятия ничего не вышло? Ответ Бибихина – в духе размышления, вопроса. «Или то идейное и поэтическое обобществление собственности, в которое была втянута страна, наизусть учившая новые коллективные нормы, не задевало собственного существа страны, человека?» [3].

Это звучит как прямой ответ Ленину и утвердительное предложение: когда большевистские или недавние (1990-х годов) приватизаторы «слышат в собственности только юридический смысл, они так же глухи к общинным корням собственности в *мире*, снова не вслушиваются в ее глубокий смысл, воображая, что достаточно назвать его» [4, с. 100]. Чтобы вернуть «свое», надо вернуть, по Бибихину, мир, который был растоптан и очищен от собственности «тиранией сознания» (великолепное выражение!) тех, кто «назначал мир»; надо не закреплять захваченную собственность юридически, а терпеливо, но и деятельно дожидаться возвращения самого ощущения, самого смысла «своего». Оно не акцидентально, оно действует на основании естественного, природного права – быть свободным, обрести не мою собственность, а собственность меня. Должен произойти возврат к Сократову узнаванию самого себя. И далее – необходимая для нашего исследования фраза: «Только кажется, будто достаточно

избавиться от лжи, чтобы попасть уже и в правду; на самом деле наоборот, только приближение к настоящему помогает догадаться, что такое настоящие ложь и искажение» [4, с. 100].

На мой взгляд, Гефтер в исследовании ленинского пути пошел путем не приближения к настоящему, а путем избавления от ошибок восприятия этого пути, пропусков в этом пути – и сам попал в засаду.

Впрочем, он решился сказать о насущности такого избавления в 1968 г., раскрывая мысль человека, много сделавшего для того, чтобы это направление закрыть и тиранией сознания назначить мир. Ленина, повторим, интересовало крестьянское «сейчас» в его капиталистическом развитии. Его интересовал не смысл труда или богатства/бедности, а *результат*. И желание определить, существует ли крестьянство как класс, или процесс капиталистического расслоения зашел так далеко, что слово превратилось в фикцию. Бибихин на такое желание возражает: «Это не прихоть языка» [4, с. 97]. Но Ленин не случайно обратился к американскому опыту, ибо «юридическое закрепление права собственности у нас заимствовано с Запада, оно римский институт» [4, с. 96].

Ленин жаждал провести в России «коммунистический опыт» как показательный пример для Запада. Именно поэтому ему необходимо было сделать акцент не на русских уставах, а на римском институте права собственности. Именно как римский институт собственность (крестьянская!) в основном и рассматривалась Лениным: она, как он полагал, держится на некоей части («частная собственность»), которая отделена от какой-то другой, например государственной и общественной.

Бибихин размышляет: «*Приватный, приватизация* происходит от того же доисторического слова, что наше *прочь, опричник*» [4, с. 97]. Получается, что изъятие собственности у некоторой части боярства во времена, когда Русь стала считать себя Третьим Римом, вовсе не случайно. И примерно в это время происходит известная латинизация России. Признание отделенности собственности означало, что «раньше приватного, частного» было «то, из чего надо было отсечь, отрубить часть. *Отруб, отрубное имение* – независимое от латинской модели и параллельное ей русское образование, которое повторяет связанную с приватным идею отделения» [4, с. 97]. Именно во времена Ивана IV происходит прикрепление крестьян к своей же земле, но уже распределенной по отдельным имениям. Бибихин считает поразительным определение В. Далем термина *отрубной* как «особый, отдельный и цельный по себе» [4, с. 98].

Но вот Гефтер замечает, что Ленин и крестьянство считал не единым, каковым оно было во времена феодализма, а целым. Как только некая вещь находится под аналитическим взглядом, исследовательские определения Ленина, Гефтера и Бибихина совпадают. Правда, Бибихина интересует

возврат к внутренней сути вещи, а Ленин вводит внешние связи, на которые и Гефтер ставит акцент: социально разнородное крестьянство объединено в целое общей враждой к помещику.

В определении Даля, обращает внимание Бибихин, «наивно слиты в одно два противоположных полюса “собственности”» [4, с. 98]. С одной стороны, речь идет о привативном, «отрубном» существе, «вырванном из древних силков общины, мира. Выселить крестьян на отруба, т. е. сделать из общинников частных собственников по западному образцу, было целью столыпинской приватизации, которую царь, расположенный к ней вначале, потом задумался поддерживать» [4, с. 98]. Бибихин пишет о чуть более позднем времени, чем то, когда Ленин стал заниматься американским переделом. Но, как пишет Бибихин, «древняя, темная сила земли, невольными и бессознательными агентами (реставраторами) которой были революционеры, не терпела раздачи земли в частные руки» [4, с. 98].

Раздача была ловушкой для России, считает философ, это именно переход к римскому сознанию, к пониманию приватного, в то время как российская община – *мир*, т. е. единое целое. Это тот другой полюс, содержащийся в определении Даля. «Думать о том, что такое мир, от которого отрублено “прочь” частное, у старых и новейших революционеров нет времени» [4, с. 98]. Но Ленин-то как раз думал. И не принял допущения Маркса, будто воззрения народников на общину превратились в нечто старое и косное. Принимая Марксов политэкономический метод и опираясь на идею смены формаций, ведущей в конечном итоге к гегемонии пролетариата, он понял и то, что Маркс, во-первых, мог ошибаться и стратегически, и теоретически. Это в Ленине понял и Гефтер, но принял (или написал, что принял) за развитие *теории* марксизма и новизну, в то же время пальцем показывая на то место в «Циркуляре», которое свидетельствовало о возможных изменениях политического курса, если оно может способствовать конечной победе.

Ленин, в отличие от себя старого, начинает считать капитализм в России «производным от стойкости крепостничества, корень которой в фактической силе поземельных отношений» [10, с. 21]! Бибихин, не знавший ни этой статьи Ленина, ни Гефтера, тоже считает, что степень реальной принадлежности человека земле обычно недооценивается. Он писал о связи человека с землей, «которая укрепляется... поколениями живущих на ней без посторонней помощи» [2, с. 48]. Со ссылкой на Л.Н. Толстого он говорит, что «*наша земля* настолько важная реальность, что в ситуации фактической непринадлежности никому – далекому царю всё равно что никому – нищий крестьянин свободен как царь или... как Робинзон, рискующий и одинокий вольный хозяин на своем необитаемом острове» [2, с. 46].

Ленин это почти угадал. Но, как пишет Гефтер, его «теоретическая мысль движется от конкретизации применительно к русским условиям положения Маркса: капитализм прорабатывает, приспособливает... к себе складывающиеся в недрах крестьянства буржуазные отношения и тем “варваризует” ход общественного развития страны» [10, с. 21]. Что, однако, понимается под варваризацией? Если возвращение хозяйственной вольности, то марксизм здесь ни при чем. Если докапиталистическое производство, то тогда понятно, почему Маркс говорил, что это становится реакционным, а Ленин отказывается это признавать, поскольку к такому виду собственности стремилось крестьянство, на определенный момент становившееся боевым. Специалисты в этом вопросе могут дать и другое понимание варваризации. Интересно другое: что теория не вытекает, не рождается изнутри жизни, а *приспосабливается* к ней (Гефтер специально выделяет это слово), т. е. из нее берется нужное, а ненужное отбрасывается почти по-гоголевски (без «если»): «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича... – я бы тогда тотчас же решилась».

Здесь и перекокс: приспособление понято как теоретическая новизна, а не как признание теоретической неправоты Маркса относительно законов исторического развития. Можно было бы сказать, что мы только начали задумываться о невозможности применения к истории законов, предписывающих ее развитие (признал же это Кант, писавший о Просвещении!), если бы не вся «История и некоторые проблемы современности» целиком, где обсуждаются проблемы законов истории, и не фундаментальная книга, вышедшая в 1968 году под эгидой сектора истории методологии («Проблемы истории докапиталистических обществ»), где развертка истории под плеткой закона подверглась некоторыми историками критике, где историки писали о несоответствии исторических реалий определениям, данным тем или иным формациям. Значит, было осознанное желание объявить ленинские действия марксизмом, что я считаю теоретическим пантажом, употребленным на благо дела, ибо, кроме ссылок на некие исторические условия, никаких оговорок сделано не было.

В те времена (1960-е годы) это было безмолвно принятым оттепельной интеллигенцией шагом: не раздражать без нужды партийную верхушку, а кто понимает, тот понимает. Для той эпохи шаг оправданный (который всё равно привел Гефтера к аутсайдерству из-за невозможности всё время хитрить). Но сейчас у меня задача другая. Время ликования, освобождения от идеологического напора прошло, настала пора спокойнее посмотреть на ту действительность, которая со всех сторон – хороших и плохих – формировала и сформировала нас, показать блеф с обеих сторон: у одних ради уничтожения мысли (Корнилов и К^о) и примерного наказа-

ния, у других – ради появления хотя бы малых ростков правильного рассуждения, просто другого способа мысли. Сработало и то и другое.

Марксизмом оказывался ленинский отказ признать Марксову идею о том, что любой утопизм (в данном случае народнический, крестьянский утопизм) – предшественник и зародыш материалистически-критического социализма – при появлении этого материалистически-критического социализма может стать «нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным» [10, с. 23]. Плеханов, народник, ставший марксистом, согласился с Марксом и Энгельсом. Ленин же видел в том трудность, что Гефтер считает его преимуществом перед Плехановым [10, с. 24]. Трудность была не в признании того, что крестьянство стремилось сохранить себя как класс мелкой буржуазии (это и для Ленина оставалось реакционным), а в том, что крестьянство, желая улучшить свое положение, «выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества» [10, с. 24, 25], и с этим надо что-то делать.

Но смысл не в достижении свободы собственности. Это для Бибихина важная тема. Он, подчеркивая особый характер земли как «своего», дает такой перевод фрагмента из «Философии права» Гегеля: «Вот уже близко к полутора тысячелетиям, как свобода лица начала расцветать через христианство и стала общим принципом среди, впрочем, малой части человеческого рода. А свобода собственности [реальная принадлежность земли без учета юридической закреплённости тому, кто способен обращаться с ней соответственно ее собственной сути. – В. Б.] со вчерашнего дня, можно сказать, здесь и там была признана как принцип. – Пример из мировой истории о долготе времени, какое нужно духу, чтобы шагнуть вперед в своем самосознании, – и против нетерпения мнения» [3].

Дело даже не в необходимости понимания свободы собственности, это ясно, а в упреждении нетерпения. Ленин же был именно нетерпелив, как и прочие революционеры. Гефтер постиг ленинскую внутреннюю готовность к революционному действию и готовность вернуть свое отрезанное (от «отрезков») для восстановления целостности. Но нетерпение было таково, что Ленин, услышав Г.В. Плеханова, отрекшегося во имя марксизма от народнических идей (об этом сказано в статье Гефтера), как бы не услышал, что, став марксистом, тот вдруг осознал, что революционная интеллигенция и крестьянство – это два разных народа, и рабочий класс – не водитель крестьянства, а транслятор интеллигентских социальных идей в село, т. е. в *большинство*. Ленин увидел обратное: что «темный русский крестьянин, оратор на деревенской сходке и депутат Государственной Думы, заговорил вдруг языком народников-интеллигентов» [10, с. 22].

Гефтер не отметил этого плехановского пассажа (его задача была другая: он писал именно о ленинской странице из истории марксизма), но безоговорочно встал на сторону Ленина, путь которого он не спрямлял, но показывал способ, каким складывался *канон* ленинского пути, превращавший марксизм в марксизм-ленинизм. При этом он, разумеется, не написал, что Ленин не был лично способен договориться с крестьянами материнского имения о правильном ведении хозяйства (см. об этом [8]) – спор не теоретический. Это, конечно, так, но всё же теория касалась *действия*, пусть и революционного. Но если это касалось действия, то небезынтересно сравнить отношение Ленина к крестьянству с отношением к нему его друга М. Горького. Это на их мысли опираясь, Гефтер позднее станет считать, что основная черта нашего времени – неостановленная революция, а в начале века Горький показывал ее причину – неразумную жестокость не класса-диктатора, а основного класса-сеятеля, крестьянства, не получившего собственности. Именно жестокость способна была обеспечить эту неостановленность до тех пор, пока не накопится разум, т. е. пока не будет собственности и устойчивого быта [7].

Именно эту тенденцию уловили «корниловы», вовсе не задумывавшиеся о прямоте/кривизне ленинского пути, зная только его канон и замечая Маркса народниками, а потому в то время всё еще марксист-ленинец Гефтер был обречен стать аутсайдером, хотя долго этому сопротивлялся.

И, сопротивляясь, писал, что Ленин был потрясен «превращением старого русского социализма (народничества. – С. Н.) в непосредственную массовую идеологию» [10, с. 22]. Но Ленин всё видел в свете не бытия, а политики, революции. Гефтер опять же полагает, что это открытие Лениным крестьянского умысла, т. е. «открытие тайны аграрной эволюции», означало проникновение в историю народничества в России, поскольку «неверная в целом... эта теория содержала... существенные для марксизма фрагменты верного (... выявление кабальных форм эксплуатации крестьян...») [10, с. 22, 23].

Верен или не верен взгляд Ленина, а с ним и Гефтера на историю народничества, пусть решают историки. В рассуждении о невозможности списать со счетов народническую идеологию, важную для решения будущих судеб России, неожиданно проявились черты нового Гефтера, задумавшегося о «природе и источниках силы самодержавия», о степени его, самодержавия, «независимости от классов и общества» [10, с. 23], что привело его в дальнейшем к идее России как негосударства. Дело было даже не в краже независимости и свободы, а в «обвале русскости», особенно в результате татаро-монгольского нашествия, и в «возобновлении русской истории заново из руин, в ипостаси *российской*... Если у политика-лидера нет сознания этой опасной *превратности* русской истории, он сам опасен для России» [6].

Сам же Гефтер пришел к выводу, что дело даже не в возвращении «своего» земле, а в том, что Россию создавали не люди, уже плотно сидевшие на земле, а *беглые* крепостные, заполнявшие просторы, оставленные татаро-монголами, оседавшие на этих просторах, где жили люди других этносов. Они, смешиваясь с ними, могли называть себя вольными, или казаками. Они бежали от власти, а та их «догоняла, вбирала в себя – и они становились субстратом власти. Оттого из их среды мог выйти человек, объявивший себя императором Петром III. Всё его окружение знало, что он Емелька Пугачев, их это устраивало. Они уже вошли в контекст русской власти-самозванки». «Нагоняя беглецов, царь “нахлобучивал” на них “государев двор” с холопьями. Это опрокидывание холопства на Евразию – гениальная политическая импровизация. Парадигма Грозного – это холопский отпечаток, который он оставил России» [6].

В этих размышлениях 1990-х годов, пожалуй, прямой ответ на размышления Бибикина о собственности, возникшие в те же 1990-е. Бибикин ведет разговор о собственности людей, которые сидят на одном месте. Гефтер – о собственности людей, стронутых с места, пришедших на чужое. К нему, конечно, можно и «свое» применить, да всё же оно чужое. Потому и общее для обоих слово «мир» означает разные понятия. У Гефтера это огромное «*пространство* экспансии», организованное монголами, освоившими китайскую военную технику и административно-налоговую систему для выжимания денег. После победы над ними русское освоение территории пошло по их стопам, рождая нечто совершенно новое – мировое *негосударство* не с единым народом, а с разными: якутами, эвенками, бурятами и пр., под эгидой не удельных хозяев, а царя, поприщем которого является не отдельная страна, а Мир. «Русь Ивана Грозного – это “рефлексия” на монгольское нашествие – и на Мир, с которым царь тогда заодно знакомится, включая Елизавету Английскую, с назиданиями ей о том, как должно королевам себя вести» [6].

Но почему «негосударство»? Потому, что, как пишет Гефтер, «при цепкой устарелости единовластия в России *не возник институт правительства* – министры прямо докладывали царю, а комитет министров был лишь совещательным органом. Огромна роль того, что звалось “государев двор” и что оставалось архаичным центром власти до 1917 г. – и теперь под именем Администрации Президента вернулось в сегодняшний день» [6]. Поэтому оглядка на римскую юрисдикцию в деле собственности была напрасной. Но это *поздние размышления Гефтера, 1990-х годов*, в конце 1960-х он еще не таков. Размышления Бибикина тоже относятся к 1990-м, и я их привожу для того, чтобы показать сходство и дальность мотивов отношения к собственности.

Импровизация – политическая идея России, и это до конца роднило Гефтера с Ильичом. Возможно, так можно было бы назвать все перечис-

ленные Гефтером сцепки Ленина с Марксом, если бы не обнаруживалась их сознательная натянутость.

Но размышления о независимости самодержавия в «Странице из истории марксизма» – словно размышления вслух другого человека (они и сейчас своевременны при полном отделении власти от общества и при ее слиянии с силовыми структурами), они связаны и не связаны с Лениным (и Марксом). Это теоретические размышления, которые чутким ухом распознали погромщики. Какой-то другой Ленин, тем более Маркс. Потому что Гефтер пытается мыслить изнутри ленинской мысли как настоящий методолог. Он словно Лениным говорит. И, кажется, не видит криводушия там, где политик-циник подминает непредвзятость экономиста, объявляя, что надо-де использовать крестьянский революционаризм, а там и о диктатуре пролетариата говорить можно. Считает, что говорит «с марксистской точки зрения», будто требуются доказательства, что с марксистской точки зрения «нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества в этом отношении» [10, с. 25].

Позиция Маркса при этом, однако, не развивается; меняется, повторю, *стратегия*, вполне согласуемая с Марксовым же определением революционной практики как «совпадения изменения обстоятельств и человеческой деятельности (или самоизменения¹)» [10, с. 30]. Поэтому, говоря о чтении Маркса, мы должны иметь это в виду, как должны иметь в виду и то, *что именно* из Маркса читали. Гефтер в этой статье, помимо «Циркуляра против Криге», ссылается на новую публикацию первой главы «Немецкой идеологии» под названием «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического мировоззрений» на первый том «Капитала», в предисловии к которому обсуждаются унаследованные от прошлого стародавние способы производства и производственные отношения и утверждает, что «мы страдаем не только от живых, но и от мертвых»², на письмо в редакцию «Отечественных записок», в котором Маркс пытался ответить на вопрос, поставленный Н.Г. Чернышевским, т. е. пишет о том же, что интересуется Ленина и соответственно Гефтера.

Это практически всё из Маркса, к чему отсылает Гефтер. Ссылок мало было и в выступлении его по докладам Я.С. Драбкина, А.С. Арсеньева, И.В. Бестужева, посвященным самым разным проблемам, близким Гефтеру, главным образом – моментам срыва, кризиса, революционность которых он пытался объяснить опережением теории действием, опережением стихией сознательности. Всюду – страстная увлеченность революционным действием и революционной мыслью. Не случайно он взял

¹ Термин, выделенный Твардовским.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 10. Любопытно, что примерно через четверть века Гефтер будет писать о том, как мертвые будут помогать живым.

эпиграфом к статье, которую писал для «Нового мира», слова Пастернака: «Он (Ленин) управлял течением мысли и только потому страной». Я помню простыни-вставки к статье, редактируемой Буртиным, с которой тот радостно мучился, пытаясь найти и не находя иногда нужного слова, и говорил мне: «Ну, помогайте, помогайте!» А как помочь пострадавшему?

Эта жажда если не революционности, то некоей мгновенности действия сопровождала его всю жизнь. Он не желал ограничиваться предписываемой политикой и ожидаемой от него реакцией на что-то, выстраивал свою – нерыночную – теорию. «Долгими, вторящимися размышлениями я привел себя к выводу: нельзя высвободиться из тенет Утопии, распрощаться с Революцией, не проведя черты под величайшим из проектов, двигавшим людьми, – помыслом ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» [5, с. 8].

Гефтер, пытаясь рассмотреть всё с точки зрения меняющихся обстоятельств, не признает инварианта теории, которая, однако (особенно если помнить все смыслы этого термина, один из которых – «посольство»), распадается без инварианта, без той весты, которую она несет. Рассуждая о Ленине как бы из мысли Ленина, он словно не знает того, что произошло после Октября 1917 года, словно забывая, что именно апостериорные пути становились путями к истине. Между тем рефлексии без такого обратного движения, без рефлексии, заданной нынешним днем и обернутой в прошлое, нет. Как говорили в этой же книге В.С. Библер и А.С. Арсеньев, логика (органической системы) «должна учитывать оба момента – момент становящегося и включаемый в себя момент ставшего» [2, с. 391].

Что понимать под деятельностью? Деятельность, считает Гефтер, *больше* того, что содержится в объективных условиях. Ответ резонный, поскольку возник при решении вопроса о способе совмещения политического переворота (уничтожение абсолютизма) с социальным [10, с. 33]. Ясно, что свержение абсолютизма связано с буржуазным путем развития. Но поскольку речь идет о том, что на этом пути должно пересмотреть роль крестьянства при проведении крестьянской реформы, сделать его (хотя бы на время) демиургом революционного движения, то что значат *поправки* в теоретическое представление хода капиталистического развития, естественно идущего в направлении пролетарской революции, если такой ход – *закон* общественного развития?

Маркс так не считал, утверждали оппоненты Ленина. Ответом им было: «нам нужна не крестьянская земля, а крестьянская борьба» [10, с. 33]. Фраза, возвращающая к идеям Ткачева и Бакунина, которые говорили «о широком стихийном движении народных масс, о “революционном творчестве” народа» [10, с. 28]. Обе эти цитаты взяты из Протоколов IV съезда РСДРП, но первая имеет позитивный оттенок, а вторая – негативный. При этом нет

анализа ни того, ни другого высказывания, просто одно призвано доказать одну позицию, другое – иную, лишая возможную альтернативность быть альтернативой. Хотя альтернативность вовсе не предполагает ссылки на некий результат, ибо результат оказался отвратительным.

Такая ссылка на результат без анализа обстоятельств, при каких он случился, и следствий такого результата, и без анализа того, почему меньшевики и «якобинец» Плеханов считали это неприличным, в такой масштабной статье и представляется как теоретический шантаж, и этот теоретический шантаж выдается за предвидение, за логику развития идеи. Этим достигалась определенная цель – показ ленинского теоретического умения использования разных обстоятельств для совершения не социальной, а всё-таки, как говорил Ленин, одновременно ссылавшийся на теорию Маркса и отрицавший ее, социалистической революции.

В чем была задача Гефтера? Показать многоплановость ленинской идеи подготовки революции, осуществляемой «партией пролетарского авангарда», который становится «организацией, пробуждающей весь народ», в противовес однолинейности Плеханова, отстаивающего идею превращения пролетариата в решающую силу демократического движения, жестко подверстывающего под эту идею все возможные силы (кадетов, например, крупных и мелких буржуа, либералов) [10, с. 40]. Гефтер считал идею Плеханова иллюзорной, ибо все перечисленные партии или классы «откровенно враждебны социалистическому идеалу пролетариата». Идеи же Ленина исходили из предъявленных обстоятельств, множество которых необходимо учитывать. Ему «чужды не только иллюзии в отношении либералов, но и отношение к действительным и дееспособным, хотя и шатким, неустойчивым мелкобуржуазным союзникам как к простому оружию в руках революционного авангарда».

Вопрос, кем их признать, один из самых интересных. Более того, в начале XX века можно увидеть зародыш того, что случится в результате революции 1917 года. «Сделать Россию демократической можно лишь демократическим путем» [10, с. 41]. Но что такое демократический путь? «“Плебейская” *расправа* (курсив мой. – С. Н.) со средневековьем и вместе с тем просвещение, сплочение, организация масс...» [10, с. 41]. Для чего? Для «внесения сознания и классовой... борьбы внутрь народа, в его деревенские глубины, для преобразования “русского бунта, бессмысленного и беспощадного” в *крестьянскую революцию*» [10, с. 40], которой потом, как мы знаем, тоже будет учинена «плебейская» расправа.

Много лет спустя Гефтер отнесет Ленина к российским деятелям XIX века с его народническими устремлениями. Но в том ли суть? Проблема собственности и по сей день не решена, а расправа учиняется по заданному не только Лениным примеру. Слова Плеханова о пролетариате, который

вправе «*топтать ногами всё отжившее*», немногим лучше слов «мочить в сортире».

О том, что Ленин не слишком думал о крестьянстве, свидетельствует его выступление на II съезде советов, когда он, не имея своего, «достает из кармана эсеровский наказ о земле, добавив к нему пару вступительных фраз, его зачитывает – и всё! Игра сыграна. Программой большевиков стал наказ мужиков-эсеров – а в Советской России появился мужицкий царь» [6]. При этом Михаил Яковлевич добавляет: «это, кстати, еще мы раскопали в нашем секторе». Значит, он знал, что вся ленинская забота о крестьянах – ложь, если не теоретическая, то практическая. Кажется, что он это пытался как-то передать «на волю» из тенет текста, когда написал, что «признать», что «революционное движение в России может восторжествовать только как движение рабочих», значило «сказать новое не только сравнительно с народниками, что очевидно, но и новое... по сравнению с Марксом и Энгельсом» [10, с. 38]. То есть речь не о развитии теории. Что же мы хотим от и доныне существующих «корниловых»? В эпоху догматизма они учуяли нашу невозможность говорить открыто, нашу ломку мысли и языка, позволившую исказить их и следующим поколениям не слишком свободных или смелых людей, которые сочли это нормой.

Литература

1. Ахутин А.В., Берлянд И.А. Дело Библиера // Vox. Философский журнал. – 2020. – Вып. 29. – DOI: 10.37769/2077-6608-2020-29-9.
2. Бибихин В.В. Введение в философию права. – М.: ИФ РАН, 2005. – 345 с.
3. Бибихин В.В. Проблема собственности // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. Психология. Философия. – М., 1996. – С. 39–46. – URL: http://bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (дата обращения: 19.08.2021).
4. Бибихин В.В. Собственность. – СПб.: Наука, 2012. – 391 с.
5. Гефтер М.Я. Россия: диалоги вопросов. – М.: Утопос, 2000. – 88 с.
6. Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством: опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском / Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. – М.: Европа, 2014. – 400 с. – URL: <https://www.livelib.ru/book/146584/readpart-tretego-tysyacheletiya-ne-budet> (дата обращения: 19.08.2021).
7. Горький М. О русском крестьянстве. – Берлин: Изд-во И.П. Ладъжникова, 1922. – 45 с.
8. Дуэль П.П. Добрый человек и революция: записки очевидца, которого забыли расстрелять. – М.: Время, 2014. – 352 с.
9. Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева / предисл. Р.Г. Эймонтова // Отечественная история. – 1999. – № 3.
10. Историческая наука и некоторые проблемы современности: статьи и обсуждения / редкол.: М.Я. Гефтер (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1969. – 430 с.

11. *Кожокин Е.М.* Политика и антиполитика в судьбе историка // Гефтер. – 2014. – 28 ноября. – URL: <http://gefter.ru/archive/13678> (дата обращения: 19.08.2021).
12. *Неретина С.С.* История с методологией истории // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 143–151.
13. *Неретина С.С.* Точки на зрении. – СПб.: РХГА, 2005. – 359 с.
14. *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994. – Т. 2: Язык и культура. – С. 53–128. – URL: https://vk.com/@charodey_tv-mifologicheskii-aspekt-russkoi-ekspressivnoi-frazeologii (дата обращения: 19.08.2021).
15. *Хархордин О.* Что такое собственность? // Forbes. – 2009. – № 5. – URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-05/6939-что-такое-sobstvennost> (дата обращения: 19.08.2021).

Статья поступила в редакцию 14.02.2021.

Статья прошла рецензирование 03.03.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-11-34

“A PAGE FROM THE HISTORY OF MARXISM”: GEFTER’S EDEVOURS TO READ MARX ANEW

Neretina Svetlana,

Dr. of Sc. (Philosophy), Professor,

Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS,

Bldg. 1, 12 Goncharnaya Street, Moscow, 109240, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-2063-062X

abaelardus@mail.ru

Abstract

The purpose of this paper is to show how the thought and speech of people holding and defending directly opposite positions affect the change in the thought and speech of people of their own and subsequent generations, with different life orientations, and to find ways of this influence. The author describes the situation that arose at the end of the sixties of the twentieth century, known as the ideological dispersal of philosophical, historical and sociological trends that ran counter to the policy of the CPSU, which became especially fierce in the fight against opponents after the USSR’s invasion of Czechoslovakia in August, 1968. One of the results of such an ideological battle was the defeat of the sector of the methodology of history of the Institute of General History of the USSR Academy of Sciences, headed by M. Ya. Gefter, who published a series of books in which the so-called laws of historical development (formational approach) were questioned and the fundamental provisions of the classics of Marxism-Leninism were criticized. The subject of analysis is Gefter’s article “A Page from the History of Marxism in the Early 20th Century”, published in the book “Historical Science and Some Problems of the Modernity”, dedicated to the analysis of Lenin’s tactics and strategy development which changed the views of many, especially young, historians on the historical process, and most importantly - on the methods of seeking and expressing the truth. The differences were expressed primarily in the fact that the proponents and defenders of the Soviet regime, which was based on their own established norms of Marxism-Leninism, fearlessly used all means of pressure on unwanted opponents. Professionals, however, who tried to understand the true sense of the historical process, the sense of judgments about it, especially the sense of the revolutionary struggle against the autocracy, unfolding at the beginning of the twentieth century, were forced to use the Aesopian language, which also provoked a distortion of this sense in many ways: due to the nebulous and veiled expressions, which give the impression of theoretical blackmail, causing such consequences as speech irresponsibility.

Keywords: Gefter, Lenin, Marx, methodology, populists, peasant revolution, proletariat, revolution, “black redistribution”, criticism.

Bibliographic description for citation:

Neretina S. "A Page from the History of Marxism": Gefter's Edevours to Read Marx Anew. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 11–34. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-11-34.

References

1. Akhutin A.V., Berlyand I.L. Delo Biblera [The Bibler case]. *Vox. Filosofskii zhurnal*, 2020, iss. 29. DOI: 10.37769/2077-6608-2020-29-9. (In Russian).
2. Bibikhin V.V. *Vvedenie v filosofiyu prava* [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow, RAS Institute of Philosophy Publ., 2005. 345 p.
3. Bibikhin V.V. Problema sobstvennosti [Property Problem]. *Gumanitarnaya nauka v Rossii: sorosovskie laureaty. Psikhologiya. Filosofiya* [Humanities in Russia: Soros Laureates. Psychology. Philosophy]. Moscow, 1996. Available at: http://bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (accessed 19.08.2021).
4. Bibikhin V.V. *Sobstvennost'* [Property]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2012. 391 p.
5. Gefter M.Ya. *Rossiya: dialogi voprosov* [Russia: Dialogues of Questions]. Moscow, Utopos Publ., 2000. 88 p.
6. Gefter M.Ya. *Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom: opyty politicheskije, istoricheskie i teologicheskie o Revolyutsii i Sovetskom mire kak Russkom*. Mikhail Gefter v razgovorakh s Glebom Pavlovskim [There will be no third millennium. Russian history of playing with humanity. Experiments political, historical and theological about the Revolution and the Soviet world as Russian. Conversations with Gleb Pavlovsky]. Moscow, Evropa Publ., 2014. 400 p. Available at: <https://www.livelib.ru/book/146584/readpart-tretego-tysyacheletiya-ne-budet> (accessed 19.08.2021).
7. Gorky M. *O russkom krest'yanstve* [About the Russian peasantry]. Berlin, I.P. Ladyzhnikov Publ., 1922. 45 p. (In Russian).
8. Duel' I.I. *Dobryi chelovek i revolyutsiya: zapiski ochevidtca, kotorogo zabylili rasstrelyat'* [A kind person and a Revolution. Notes of a Man they forgot to shoot]. Moscow, Vremya Publ., 2014. 352 p.
9. Eimontov R.G., comp. Iz dnevnikov Sergeya Sergeevicha Dmitrieva [From Sergej Sergeevich Dmitrijevich'diaries]. *Otechestvennaya istoriya*, 1999, no. 3. (In Russian).
10. Gefter M.Ya., ed. *Istoricheskaya nauka i nekotorye problemy sovremennosti: stat'i i obsuzhdeniya* [Historical Science and Some Problems of Modernity]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 430 p.
11. Kozhokin E.M. Politika i antipolitika v sud'be istorika [Policy and Anti-politics in Destiny of Historian]. *Gefter*, 2014, 28 November. (In Russian). Available at: <http://gefter.ru/archive/13678> (accessed 19.08.2021).
12. Neretina S.S. Istoriya s metodologiei istorii [The History with Methodology of History]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 1990, no. 9, pp. 143–151. (In Russian).
13. Neretina S.S. *Tochki na zrenii* [Perspectives]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2005. 359 p.

14. Uspenskii B.A. Mifologicheskii aspekt russkoi ekspressivnoi frazeologii [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. Uspenskii B.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, 1994, vol. 2, pp. 63–128. Available at: https://vk.com/@charodey_tv-mifologicheskii-aspekt-russkoi-ekspressivnoi-frazeologii (accessed 19.08.2021).

15. Kharkhordin O. Chto takoe sobstvennost'? [What is Property]. *Forbes*, 2009, no. 5. (In Russian). Available at: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-05/6939-cto-takoe-sobstvennost> (accessed 19.08.2021).

The article was received on 14.02.2021.

The article was reviewed on 03.03.2021.